

ВОНДА Н. МАКИНТАЙР

ЗМЕЯ СНОВИДЕНИЙ

Издательство АСТ
Москва

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВОНДА Н. МАКИНТАЙР

ЗМЕЯ СНОВИДЕНИЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

M15

Серия «Фантастика: классика и современность»

Vonda N. McIntyre

DREAMSNAKE

Перевод с английского А. Корженевского

Компьютерный дизайн В. Половцева

Публикуется с разрешения автора и ее литературных
агентов, Donald Maass Literary Agency (США)
при содействии Игоря Корженевского,
Агентство Александра Корженевского (Россия).

Макинтайр, Вонда Н.

M15

Змея сновидений / Вонда Н. Макинтайр ; [перевод с английского А. Корженевского]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-174182-2

По угольно-черной пустыне странствует целительница по имени Снейк. В ее притороченном к седлу саквояже дремлют три змеи, ведь фирменное лекарство Снейк — змеиный яд, который может вылечить практически все — от столбняка до лихорадки.

Но однажды по злосчастному стечению обстоятельств погибает самая ценная из ее змей — утишительница боли, змея-наркотик, змея-греза. Подобных ей существ больше не осталось в природе, разве что в Цитадели, где правят могущественные ученые и куда заказан путь любому жителю пустыни, даже такому просвещенному, как целитель.

Законы братства целителей суровы, и Снейк грозит изгнание — ей не простят потерю столь ценного инструмента в борьбе со Смертью.

И Снейк не остается ничего, кроме как пуститься в новое путешествие, в котором ее подстерегает множество опасностей и, возможно, гибель...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-174182-2

© Vonda N. McIntyre, 1978
© Перевод, А. Кириченко, 2025
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

Посвящается родителям

ГЛАВА 1

Малышу явно было страшно. Снейк осторожно потрогала его пылающий лоб. За спиной у нее стояли родные ребенка: трое взрослых, сбившись в тесную кучку, подозрительно, настороженно наблюдали за ней, не осмеливаясь открыто выказывать беспокойство, — лишь тоненькие морщинки у глаз выдавали чудовищное напряжение. Безотчетный ужас, который внушала им Снейк, не уступал исступленному страху потерять единственного ребенка. В палатке царил полумрак, и странно голубоватый отсвет лампы лишь усиливал тревожное чувство.

Мальчик смотрел на нее своими темными глазами — такими темными, что зрачки были почти неразличимы на радужке, — и такими скорбными, что Снейк вдруг стало страшно за него. Она погладила мальчугана по волосам. Волосы у него были длинные, нездорово белесые и какие-то неживые и ломкие на несколько сантиметров от корней, разительно контрастирующие с очень смуглой кожей лица. Будь Снейк здесь несколько месяцев назад, она бы сразу догадалась, что ребенок болен.

— Принесите мою сумку, — распорядилась Снейк.

Родители мальчика вздрогнули, хотя голос ее прозвучал очень мягко и нежно. Возможно, они ожидали от нее каких-то иных, нечеловеческих звуков — что она зачирикает, словно птичка, или зашипит, как сверкающая на солнце змея. Ведь за все это время, что она провела здесь, Снейк не промолвила ни слова. Она молча наблюдала за ними, когда они перешептывались, рассматривали ее с почтительного расстояния, обсуждая ее молодость и профессию; и так же безмолвно кивнула, когда они наконец осмелились попросить ее о помощи. Возможно, они решили, что она просто немая.

Светловолосый мужчина — тот, что был помоще, — поднял ее кожаный саквояж. Он старался держать его подальше от себя, и когда наклонился, чтобы подать сумку Снейк, она явственно ощутила слабый мускусный запах, хорошо различимый в сухом воздухе пустыни. Но Снейк уже почти привыкла к тому, что люди боятся ее, — она много раз сталкивалась с этим.

Когда Снейк протянула руку, юноша отшатнулся и выронил саквояж. Снейк метнулась, едва успев подхватить его, и осуждающе посмотрела на юношу, бережно опустив саквояж на войлочный пол. Двое, стоявшие поодаль, подошли к светловолосому и успокаивающим жестом мягко коснулись его плеча.

— Его уже кусала змея, — пояснила темноволосяя красивая женщина. — И он чуть не умер. — Она и не думала оправдываться — она доказывала свою правоту.

— Простите, — пробормотал молодой человек. — Но... — Он молча показал пальцем на плечо Снейк.

И, хотя было видно, что он изо всех сил пытается совладать с собой, его било как в лихорадке.

Снейк перевела взгляд туда, куда указывал юноша и где она привычно, почти бессознательно ощущала легкую тяжесть и неуловимое движение: змейка, тоненькая, как пальчик младенца, обвилась вокруг ее шеи, высунув свою плоскую головку из-под шапки коротких вьющихся волос девушки. Змейка медленно высунула свой раздвоенный язычок, повела им в стороны — будто пробуя на вкус запахи, наполнявшие воздух.

— Это всего лишь Травка, — сказала Снейк. — Она не может причинить вред.

Будь змея побольше в размерах, она могла бы внушать ужас: тельце ее было бледно-зеленого цвета, но чешуйки вокруг рта алели, как свежая кровь, — словно она только что, подобно зверю, терзала свою добычу. На самом же деле ничего такого ей было не свойственно.

Малыш всхлипнул, как от боли. Но тут же испуганно смолк. Возможно, ему сказали, что Снейк не выносит плакс.

Снейк ощутила острую жалость: эти люди лишали себя возможности выплакать страх. Снейк отвернулась. Она сожалела, что они так боятся ее, но не могла терять драгоценное время на то, чтобы их приручить.

— Не надо бояться, — сказала она мальчугану. — Травка хорошая. Она очень гладкая и нежная, и, если я оставлю ее посторожить, смерть не дотянется до тебя.

Змея перетекла в узкую грязную ладошку Снейк. Она протянула ее ребенку.

— Погладь ее, только осторожно.

Мальчик высунул руку из-под одеяла и кончиком пальца потрогал скользкие чешуйки. Снейк ощутила, каким неимоверным трудом дается ему даже такое простое движение, хотя легкое подобие улыбки промелькнуло на лице ребенка.

— Как тебя зовут?

Он метнул быстрый взгляд на родителей, и те, подумав, кивнули.

— Стэвин, — едва слышно прошептал мальчик. У него не хватало сил говорить.

— А я — Снейк. И скоро, завтра утром, мне придется сделать тебе больно. Будет очень больно — но очень недолго. Потом, может быть, еще поболит, совсем чуть-чуть, несколько дней, — зато потом ты поправишься.

Малыш очень серьезно смотрел на нее, и Снейк увидела, что, хотя он все понимает и ему очень страшно, было бы куда хуже, если б она солгала. Видимо, по мере того как развивалась болезнь, боль терзала его все сильнее, а окружающие лишь утешали и обманывали его, надеясь, что болезнь либо пройдет сама по себе, либо принесет ему скорую смерть.

Снейк положила Травку на подушку Стэвина и придвинула к себе саквояж. Родные пусть остаются во власти собственных страхов — у них уже не было времени и возможности поверить в нее. Женщина в этой семье была уже немолода, и было ясно, что здесь уже не будет другого ребенка, если мужчины не найдут себе новую партнершу, но Снейк видела по выражению их глаз, по их тревоге, по

тайным прикосновениям, что все трое очень любят друг друга. А потому у них, жителей этих суровых мест, не оставалось иного выбора, кроме как обратиться к Снейк.

Не торопясь, почти лениво Песок вытек из саквояжа, приподняв голову и шевеля язычком, принюхиваясь, пробуя на вкус, проверяя тепло человеческих тел.

— Вы хотите... — Старший мужчина говорил благоразумно и тихо, но в голосе его сквозил ужас, и Песок тотчас же почувствовал это. Он мгновенно отпрянул, готовый ударить, и «погремушка» на его хвосте издала негромкий трещащий звук. Снейк постучала ладонью по полу, отвлекая его внимание, затем протянула руку к змее. Живая пружина с ромбовидным узором расслабилась, и Песок мягко обвился вокруг ее запястья черно-желтым браслетом.

— Нет, — ответила Снейк. — Ваш сын слишком серьезно болен, Песок уже не сможет спасти его. Я знаю, как вам тяжело, но постарайтесь взять себя в руки. Это ужасно для вас, но ничего иного не остается.

Чтобы выманить Дымку, Снейк пришлось раздражить ее. Снейк похлопала по саквояжу, потом два хорошенько потрянула его, ощутив движение скользких колец, — и вдруг молочно-белая кобра буквально вылетела из саквояжа в сумрак палатки. Стремительная, словно стрела, и бесконечно длинная кобра встала на хвост и раздула капюшон, из пасти ее вырвалось свистящее шипение. Голова змеи возвышалась над полом на добрый метр. За спиной у Снейк послышался вздох ужаса: зрелище

желтого очкового узора на капюшоне буквально парализовало людей. Снейк даже не взглянула в их сторону и заговорила с огромной коброй, пытаясь сосредоточить на себе ее внимание:

— Спокойно, спокойно, злюка. Пора отработать свой обед. Ну-ка поговори с малышом, потрогай его. Его зовут Стэвин.

Дымка нехотя убрала капюшон и позволила Снейк прикоснуться к себе. Твердой рукой Снейк стиснула кобру чуть ниже головы и поднесла к Стэвину. Серебристые глаза змеи вобрали в себя голубизну света лампы.

— Слушай меня, Стэвин, — сказала Снейк. — Сейчас Дымка лишь познакомится с тобой. Она не сделает тебе больно, я обещаю.

И все же Стэвин вздрогнул, когда Дымка коснулась его исхудавшей груди. Снейк, не ослабляя хватки, продолжала крепко держать голову кобры, однако позволила ей скользнуть вдоль тела мальчика. Змея оказалась раза в четыре длиннее. Она свилась белоснежными кольцами на его вздувшемся животе и напряглась, пытаясь дотянуться до лица ребенка. Ее немигающие глаза встретились взглядом с полными ужаса глазами Стэвина. Снейк придвинула ее голову чуть ближе.

Дымка высунула язычок и потрогала мальчика.

В это мгновение юноша издал короткий, словно придушенный, возглас. Стэвин от неожиданности подскочил — и Дымка мгновенно отдернулась со злобным шипением, обнажив ядовитые зубы. Снейк едва успела откинуться назад и с трудом перевела дыхание. Иногда она позволяла родным па-

циентов смотреть, как она работает. Но только не здесь.

— Вы должны уйти, — мягко сказала она. — Ее опасно злить.

— Я больше не буду так делать.

— Нет. Вам придется подождать на улице. Весьма сожалею.

Наверное, светловолосый юноша, а возможно, и мать Стэвина еще спорили бы, приводя бездоказательные доводы и задавая требующие ответа вопросы, если бы седовласый мужчина не взял их за руки и не вывел из палатки.

— Мне понадобится маленький зверек. С пушистым мехом. И непременно живой, — сказала Снейк, приподняв полог.

— Хорошо, — ответил седоволосый, и все трое растворились в сверкающей ночи. Снейк слышала их шаги по песку.

Она положила Дымку себе на колени и погладила ее. Кобра обвилась вокруг талии Снейк, отнимая тепло ее тела. Голодная кобра злее, чем сытая кобра, а Дымка была чудовищно голодна — так же, как и сама Снейк. Им еще удавалось находить какую-то воду, пока они брели через черные пески пустыни, но капканы Снейк неизменно оставались пустыми. Был разгар лета, стояла страшная жара, и пушистые зверьки — любимое лакомство Песка и Дымки — летовали. Да и у самой Снейк крошки не было во рту с того самого дня, как она ушла из дому.

С сожалением она отметила, что теперь Стэвин стал бояться сильнее.

— Ты прости, что я отослала твоих родителей, — сказала она. — Скоро они смогут вернуться.

Глаза у мальчугана подозрительно заблестели, но он сдержал слезы.

— Они велели мне слушаться тебя.

— Поплачь, если можешь, — предложила Снейк. — В этом нет ничего дурного.

Но Стэвин, казалось, даже не понял, о чем она говорит, и Снейк не стала настаивать. Она вдруг осознала, как именно люди этих суровых мест готовят себя к борьбе — запрещая себе страдать, смеяться и плакать. Они отказывали себе в горе и позволяли очень немного радости, но они выживали.

Дымка застыла в зловещем спокойствии. Снейк сняла ее с талии и положила на тюфяк подле Стэвина. Когда кобра поползла, Снейк легонько подтолкнула ее голову в нужном направлении, ощущая пальцами, как напряглись мышцы под челюстью змеи.

— Она потрогает тебя языком, — предупредила Снейк. — Это возможно, будет щекотно, но нисколько не больно. Змеи нюхают языком — так же, как ты носом.

— Языком?

Снейк с улыбкой кивнула, и Дымка, высунув язычок, легонько провела им по щеке мальчика. Стэвин даже не шелохнулся: он наблюдал за коброй с детским восторгом открытия, на мгновение вытеснившим боль. Он лежал очень тихо, пока длинный язык кобры ощупывал его щеки, веки, губы.

— Она пробует на вкус твою болезнь, — пояснила Снейк.